

н е с у р а з и ц а

е
с
у
р
а
з
и
ц
а

и.митрофанов

Игорь Митрофанов

Несуразица

«Э.РА»

Митрофанов И.

Несуразица / И. Митрофанов — «Э.РА»,

Работы автора не были опубликованы при советской власти по понятным причинам. Но и после падения СССР, когда всё(!) стало можно печатать, рукописи сознательно не были отданы в издательства. Сегодня время крайностей ажиотажа прошло, и автор выносит на суд читателя простую, спокойную, добрую книжку. Анекдоты, басни, притчи, каламбуры собраны воедино относительно последовательным повествованием. Книга написана в модном сейчас, но редком жанре «утопического оптимизма». Автор старался для людей, которые готовы посмотреть на себя лучше, чтобы увидеть хорошее в других. А с тем, шагнуть из эпохи жестокости в «Эру Милосердия».

© Митрофанов И.

© Э.РА

Содержание

Предлог дѣл использовани :	6
1	7
2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Игорь Митрофанов

Несуразица

©Митрофанов И. 2013 г.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предлог дл использовани :

Вскрыть и ознакомиться, если на Вашем необитаемом острове кончился последний патрон, и вовремя не пришла вчерашняя газета.

Можно листать от середины наперед, переворачивать снизу вверх или просматривать по диагонали.

Сюжет все равно не упустите. Зато, попадая пальцем в глупое слово, скоротаете час пустой до прибытия шлюпки, гребущей в тумане на подмогу!

Все стилистические и синтаксические промахи, здесь допущены умышленно. Препинания знаков расставлены, иногда, специально не правильно. Тавтологии преднамеренны. Ошибки проверены, найдены и оставлены. Но, если Вам удастся обнаружить вопиющую безграмотность... бросьте!

Не Вы – первый!

ПРИЯТНОГО ПРОСМОТРА!

Если Вы потер ли интересную мысль, не горюйте!

Она давно уже кем-то найдена.

Если Вы нашли интересную мысль, не ликуйте!

Она давно уже кем-то оставлена.

1

Новый Год явился, как всегда, нежданно, исподтишка январского «завтра», и привычно, невопад ошарашил город вынужденными праздниками. Шутка ли! Новых Годов не было уже, без малого, год! Поэтому целые пол с половиной недели до конца декабря радость была весёлой, непоседливой и, балуясь, совсем не мешала серьёзным проблемам. Нетерпеливые нарядные выходные подпрыгивали, махали издали встречающим и, дурачась, подталкивали в спину последние неуклюжие, рабочие дни. А те, неповоротливые от эдакого натиска и шума, ещё больше толпились, путались в ногах и застревали в проходе.

«Будни! Проходим! Проходим живее! Не задерживаем праздники!...»

Встреча Нового Года наступила. Да так чувствительно, что по пути отдавила носок ботинка, смяла манжет штанов и, надорвав карман рукава, запятнала блузу костюма прилипшими к пролитому вину конфетти.

ОН, в общем-то, никого к себе и не приглашал! Просто молчаливость отказа звучала для всех, как призывный клич беременного лося в брачный период. Вот почему многочисленный праздник безжалостно лихачил сейчас по родному линолеуму, до боли знакомым обоям и отеческому паркету, не оставляя безучастным даже вечно плюющий в себя потолок.

Каждая любая компания по интересам «отдыха» единогласно настаивала на том, чтобы ОН присутствовал в ней, являясь «фишкой», «развлекашкой», «погремушкой» торжества. А, в конце мероприятий, ещё и мероприятием «неваляшкой», когда, поздним звёздным утром третьего дня, мог сплавлять «в доску» матерящиеся «брёвна» с места боевой славы по местам дисклокации. Желая быть нужным, ОН мирил эти свои «должности» с собой, почёсывая между ушами мурлыкающее самолюбие...

– Шампанского! Шампанского! Быстро! Шампанского! Двенадцать! – не успевал вопеть чей-то полужнакомый «зачинщик» 1-го января. Хлопотун умудрялся нависать всем торсом над массой неоткупоренных совсем бутылок, почему-то не наливая, а создавая волну и вскидывая руками, как будто подводная рыба салями наотмашь тащила его на дно. Бесплезного крика отодвинули, и пробки полетели в старенькую, позолоченную краской, люстру. «Бом! Бом! Бом!» – бил себя в грудь телевизор и, выставляя на весь экран царь-циферблат, приказывал народу загадывать разумно выполнимое желание. «Бом! Полночь! Бом!»...

«Опять Москва врёт!» – икнулось где-то в Екатеринбурге. Куранты, как всегда, спешили но, как всегда, жалко – не попевали за страной.

Кажется, только два часа назад было полдвенадцатого! Вчерашний год, не успев повзрослеть, ушел насовсем и, не специально задев локтем, слегка подтолкнул жизнь ближе к краю. Санкционированное веселье, тем не менее, тушило свет без оглядки на застольное свинство и законную слякоть. Праздник буйствовал, подспудно кратко натываясь на нежный детский вдох мандариновой хвои или на взрослое тёплое ощущение лишнего выходного дня.

ОН ретировался на балкон, до отказа забитый лишними вещами и ничейными гостями. Все предметы находились на своих исконных иконных местах со дня новоселья. Рыжие железки от велосипедов, длинные занозы лыж, тазики без ушек непонятной конфигурации с чёрными продыринами глазков и ещё много кой-чего, так же необходимого для правильного ведения балконного хозяйства, как археоптериксу – руль набора высоты или выхухоли – подгузник. Только нося на себе рудиментарный атавизм мамино: «Пускай стоит. Оно никому не мешает!» терпелось не сбросить всю эту бижутерию на головы зевак улицы Тельмана. Сейчас, с желанием коснуться влажного воздуха, ОН тихо протиснулся между двумя – мужчиной и женщиной – на волю. Внимательно, на боках подошв, чтоб сильно не топнуть в резонанс и в

то же время медленным шагом, дабы, перемахнув всю узкую ширину сразу, не выпорхнуть¹ из «гнезда», притёрся к покрученной периллине, поместившись собой на одной шестой части суши белья, и стал наслаждаться капельками ниспадающей на лицо ночи.

Вытеснившись на мнимую наружу, опрометчиво думая, что спасён, и жадно вдыхая морозящий ветряной туман, ОН тут же попал спиной в объятия соседки, в засаде ожидавшей удобного момента с будущего начала прошлого года. /Балкон, по проекту, облизывал две квартиры/. Соседка являлась уроженкой Верхнего Иерихона и, естественно, никогда не повышала голоса без надобности. Но потребность её голосовых связок связывать громкие бессвязные предложения перекрывала все звуки региона на сорок два часа в сутки. Если у рядовых граждан потребность голосовать за царскую бзду о царской мзде просыпается только раз в несколько лет – на «выборах», то соседка «голосовала» из окна бескорыстно все 367 дней в году. Теперь же, вперёд орящая, захлестнула гарроту цепких пальцев на кадыке беспечного и наивного собеседника².

Те пальцы по локоть пахли майонезом и скользили. Это таило надежду улизнуть.

– Ах ты, мой дорогой! – рычала самогонными свиристелями Моисеевна, с новогодней отзывчивостью расслабляя зажимы «струбцин»³, не давая сразу умереть до смерти: – Наконец-то я тебя словила, красавца! От щас прямо – попробуй отвернуть равнодушное внимание. Будешь слушать мою доброту стоко, скоко я не выдохнусь! Я всегда знала, шо ты иногда спустишься с высоты своего птичьего помёта и тебе ох, как придётся...»

Чего «придётся» было недосказано, так как хватка соседки отвлеклась на неожиданно свободно пробегающего в дверном проёме её большого супруга. Выдернув горло из «крабовых палочек», ОН по инерции ввалился в квартиру, по ходу движения ударяясь обо всё, что не смогло увернуться. Используя очередной всеобщий тост: «За сбычность мечт!», включив защитное поле, напустив на себя побольше дыма, притворившись незаметной кроличьей шапкой-невидимкой и перестав работать на приём сигналов, ОН прорвался в подъезд и вошёл в мир истинный – мир улицы. /Все подъезды непременно ведут в дом. Этот, почему-то, всегда вёл на улицу!/ Теперь, совсем не думая, можно было слоняться по новогодним лужам, и освобождённые мысли выстраивались за спиной чётко-точным ритмом джаза. Этот дух импровизации давал свободу смеяться вслух, думать вслепую, читать стихийные или упрознёные строфы и гулять – не впопыхах!

Тут одна едкая, но ёмкая ФРАЗА вынырнула и всплыла – то ли из сырости воздуха, то ли из памяти, то ли из подворотни. Она прикидывалась как-то импозантно выглядеть, но храбрилась неубедительно и бездомно. Звучала ФРАЗА приблизительно так: «Грузите апельсины бочками!» Несмотря на непонятность подозрений, ОН смалодушничал. Не цыкнул, не замахнулся, не дал пинка! Да даже просто не убежал! А ФРАЗА, коснувшись «тепла», зацарабкалась наверх, шмыгнула в голову и, выгнув спину, шершаво полизываясь, заурчала:

«Дружите дружбы друзьями!»

– Какой я тебе друг!?

Ответил ОН вопросом. Но наглость не была подлой, поэтому настроение идти не упало. Забыв, чего хотел, путь продолжал лежать. «Стоять!» – подумал ОН и интуитивно повернул

¹ Резкий, небдительный выход на воздух мог понести тяжёлые и необоснованные потери личного состава человеко-единиц. Во-первых: порог из двери залы в дверь на балкон был настолько высоко над полом, что перешагивающий почти касался коленом подбородка, как будто хотел завести мотоцикл «Иж Планета Спорт» с первого раза. А во-вторых: обездоленная ещё при мучительной стройке рождения площадь балкона не могла даже представить себе, что пространство – существует. Поэтому любой недотёпа, чревато не замолкающий в сторону, на скорости коснувшись перила животом, мог улететь «прочь – в ночь».

² Собеседник – сокращённый собирательный образ соседа по беседке.

³ Струбина – один из видов вспомогательных инструментов, используемый для фиксации каких-либо деталей в момент обработки, либо для плотного прижатия их друг к другу, например, при склеивании (прим. редактора).

к самой вульгарной уличной ёлке города – главной общей цапке года. Да не пребудут детские игрушечные праздники шуточными для взрослых!⁴

Эта юдо-ёлка торчала из центральной площади и была самой единственной – по росту, и самой эксклюзивной – по миганию огней. Просто мракобесие, ей-богу! Даже у мэра, в его квартирах, не было ничего расфуфыреннее по пушистости и ослепнее – по лампочкам. Все в городе с рождения примирились с природным явлением: «ночью должно быть темно». Население склонялось к чьему-то мнению, что столбы в городе не для света, а для проводов с подвешенными кедами. Куда ещё садиться уставшим птичкам? А литературные языковеды вывели происхождение слова «фонарь». Мол, это столб, об который чаще всего набивают синяки под глазом.

Ну, ладно. Не горело никакого света никогда – «хоть глаз выколи» – себе, и не горело – привыкли. Но так, как не горело того же самого света сегодня! Затмение какое-то! «Попробуй, попади ещё – у себя тот глаз найти, чтоб выколоть!» А всё по тому, по той и по тем, что дополнительная последняя, одна резервная мощность котельной и запасной аварийный режим работы аккумуляторной подстанции, со всеми вытекающими отсюда электричествами, были брошены на предельную яркость генеральной криволапой ёлки района при явной бесхалатности администрации. В Новый Год городская депутатия не щадила себя в щедрости.

МЕТКА⁵

Никогда не щади себя в щедрости!

И сейчас это ёлище – символ административного вмешательства в заботу о населении, «детищё» отцов города – испускало дух света на головы со благодарных граждан. Над верхушкой в звезде поднимался дымок сияния.

Сильная мокрость сверху постепенно превращалась в слабую снежность везде. Вышедшие за рамки своих трущовок на праздник огней люди были настолько рады выдумке про зиму, что, вопреки грязи, пытались играть в «снежки» всем попавшимся под руку, и бросались супом из снега, кашей из града и компотом из лёда. Подходы к центральной смотровой площадке города громко не скучали звуками человеческого праздничного гуляния. Даже заблудшему незрячему глухому было «с легка лёгкого» сориентироваться сейчас в основном направлении неуверенного продвижения. Со всех сторон подталкивали только в одну сторону. Все шли на небесный свет. Шли, шли и шли к тому месту, где издали, боковым зрением небо казалось дневнее ночи. Шли к ёлке.

Ёлку ту по краям украшали, охраняли и усугубляли два помпезных гомерических казуса: Дед Морозко и Снегурка Отморозка. Трёхметровые фигурки из залитого дождевой водой серого позавчерашнего снега. «Наши нэцки» – любовно, «по-японски» называли их горожане из-за уродливости одутловатых пузатых безглазых форм и оттопыренности припугнутых оскалов. Этих щелкунчиков из армии Урфина Джюса вот уже семнадцать лет подряд подрядом мэрии отлеплял местный искусствовед и экскурсовод музея шотландской, канадской и новозеландской диаспор, свободный ваятель – ваятель Нэвэртий. Под творческим псевдонимом Васылэга-Дэрибас. Нет! Трудился человек не похоти ради! Нет! А только из-за своей короткой ежегодной трёхобзацной заметки в районной «Правде октября»⁶ о себе и о том, что находятся

⁴ Заметьте, те, кому не удалось побывать ребёнком: для детей Новый Год – это серьёзно!

⁵ «Метка» – узелок в памяти.

⁶ «Правда октября»??? Хочется надеяться, что где-то в других весях торгуют также «Истиной января». Продают «Порядочность февраля». Покупают «Мартовскую преданность». Зачитывают до дыр «Апрель без вранья». Обворачивают колбасу «Майской билью». Стоят в очередях за курортными изданиями: «Целомудрие июня», «Верность июля», «Непоколебимость августа». Заучивают наизусть «Правильность сентября». Прикрывают голову от дождя «Непогрешимостью октября». Подтираются «Честностью ноября». Стелют на стол «Обет тридцать первого декабря». И убирают со стола «Покаяние нового января», уже заказывая наперёд «Февральскую исповедь».

ещё люди, которые, несмотря на тяжёлые невзгоды, приукрашают и без того ужасную жизнь остальных!

Эту заметку самого краеведческого лица местности набирали всегда на третьей – последней странице газетки. Там, где обычно поздравляли и скорбели. По логике вещей, должна была существовать и четвёртая страница, но её не было. /Какая логика может быть в глубокой периферии?! Очевидцы говорят, мол, четвёртую страничку занимал «некогда» /остальные твердят: «никогда»/ строительный раздел под названием: «Известь и я». Несколько лет там писалось про ударные прорабные стройки и ремонты районщины. Писалось-писалось, пока на глаза не попало! Остроумный, видно, редактор колонки «Известья» исчез, а с ним посадили и четвёртый перегиб издания. И по сей день никто не отважился ступить – тьфу-тьфу-тьфу – на опальную площадь районного брехунка. И выходило несчастное бесплатное «еженедельё» с остающимся чисто-серым последним заворотом. Так же не существовало в газетуньке, в этом «папирусе правды», и раздела «Культура», куда можно было бы заверстать, от глаз подальше, мнение столь творческой личности. /Место для культуры – это бюджетные гроши – в кручу!/ Вот и ютилась статейка промеж двух, жирно наведённых коммерческих объявлений: грустного и весёлого.

Грустное:

«Василий Зю. З. – директор фабрики —

принимает

искренние скорбления и соболезнования

по поводу скоропостижной утраты его тёщи

Варвары Е. Жэ., от работников фабрики».

/Непонятно: то ли тёща скоропостижно утратила Василия от работников фабрики, то ли Василий до сих пор «принимает», то ли работники приносят Василию Зю. З. только одни скорбления?/...

Весёлое:

Друзья, родственники и муж

сердечно поздравляют

Грэжу Марию

с днём ровной юбилейной даты!

От их имени в нашей газете звучит любимая

юбилярина песня!

/Дальше следовал текст и нотные знаки про «Ах! Какую женщину!»/

Вот в какие рамки запирали местного культуроведа!

...Почему с каждым новым годом статьи Нэвэртия теряли патриотизм надежды и, опять же, почему новое каждогодье Нэвэртия знаменовалось всё большим и большим устрашением деда мороза и снегурочки? Об этом общественное равнодушие не подозревало. Зато врачебная тайна всей районной больницы и её филиалов знала наверняка: у больного Васылэга прогрессировала язва желчи, а у больного Дэрыбас часто находились камни в мочевыводящей простате путей. Но для города важны были статуэтки, а отнюдь не выражения их лиц! Тем более выражения тех, кто, задрал голову, пытался присмотреться, превалировали нехорошими словами, когда шапки-обманки ронялись мехом в разлитую площадную мряку. А «своя шапка ближе к шее» была важнее всяких полуметровых неточностей на выпуклых харях деда внучки и внучки деда.

– Ой! Смотрите! У неё в носу нет морковки!

Точно подметил вундеркинд, потомок тех, кто давным-давно, подкупленный оппозицией и сладкой вафелькой, кричал, спрятавшись за урну: «А король-то голый!».

Но родители, видимо педагоги, рассудительно объяснили его неточность:

– Она внучка, её ещё не лепят. Вот когда станет бабой, то и стёклашки вместо глаз, и нос оранжевый, и рот вставной, и все эти овощи будут ей к лицу, и испорченный портрет не улучшат!

– А, я понял! – заорало, перебивая, последствие излишней заобразованности. – Баба, это когда дырявое ведро вместо головы!

– Правильно, сын!

Сказал папа, ткнув незаметно супругу в бок.

– Конечно правильно, сыночка! – среагировала уязвлённая в поясницу, мама: – Это как у папиной матери – бабы Варьки. ...

...Подгребая по центральной течее, куда стекались ручьи веселья, ОН споткнулся всеми ногами.

«Держите равновесия балансами!»

Поддержала за локоть ФРАЗА.

Причиной спотыкновения явился сильно дремавший посредине всех перекрёстков аккордибаянист, кой сравнялся с лицом земли. Больно ударенная огромная гармонь, независимо от исполнителя, выдала первые аккорды мелодии «гляжусь в тебя, как в зеркало». «До головокружения...» прохрапел автоматом профессионал, переодетый бурым мишкой и наглухо пристёгнутый ремнями к кнопкам клавиатуры. Музыкант висел животом на инструменте и лицом не доставал до протекающей мимо воды. Это положение не давало утонуть, но и не позволяло умыться. Аккуратно обойдя необоснованно потревоженную преграду, засмотревшись, ОН вновь споткнулся. Теперь уже основательно – коленями о бетонный блок, охраняющий пешеходную часть тротуара от автомобилей. Щитки с коваными наколенниками сегодня были сняты /всё-таки праздники!/, поэтому боль от раскровившихся брук отдавалась сейчас в правую переносицу. Поругав духовные ценности и неодушевлённые предметы, не став перетаскивать брошенный кусок строительства (видно, рабочий день закончился неожиданно посредине работы, и тащить перестали, оставив там, где есть), ОН, весь мокрый, подумал плескавшейся поодаль мыслью: «Жаль, что не захватил с собой акваланга», и вдруг громко запел:

– Как-то в Году Новый свежий день пробежал по городу тюлень!

Но никого это не занимало. Какие тюлени! Какие олени! Новый Год – все вперёд!

ОН пошёл осторожно продвигаться дальше. И постепенно оставался не один, а потом, и вовсе не оставаясь один, окунулся в бурлящее русло стекания воодушевлённой массовости. Вокруг трахали петарды! Громко шипели бенгальские огни! Веселясь, не забывали рычать жёны. Обрычённые, и не собирались прекращать свистеть мужья. С брызгами хлопали по припорошенным лужам раздражающие свои и чужие дети! (Родители уже триста шестьдесят пять раз пожалели, что обещали деткам сегодня не спать!) Но вольно-неволью, рано – не поздно, странно, как не странно, ненароком – з Новым Роком, сегодняшняя активная районственность выливалась на площадь с прилегающим парком деревьев и почётных досок. Зачем?! Чтобы ещё больше пообщаться заранее неожиданными встречами с надоевшими знакомыми. Для этого каждая компания тягла сумки со звенящими ингредиентами предстоящих нечаянно обусловленных встреч.

«Шевелите направления копытами!»

Спеша, грубо толкала на «лобное место» ФРАЗУ, боясь пропустить щемящее зрелище терзания чьих-то последних разумных голов.

Ну, нет! Многим-некоторым по рангу было не положено терять голову! Такие носили свои головы с собой, всё время проверяя: на месте или нет. Выхаживая гуськом и жеманно обнимаясь шеями с некими, равными себе, выводками, они присматривали. Их политическое кредо «всегда» складывалось из формулы: «других подсмотреть и себя не казать». Но эти – не важно! Их самих – нет. Они не существенны, хотя и существуют! По-настоящему живут обыкновенные! Хоть и обыкновенно живут!⁷

...Карнавал свирепствовал! Кто сказал: «без масок»? Ого! Попробуй выдумай, спроектируй и изготвь такие наличные образа! Не хватит фантазии! Ниинииикакие надуманности в жизни не сравнятся с реальностью! Наблюдения – на блюде! Зырь! Секи!⁸

...Подтрамбованный почти вплотную к ёлке-красавице из сборных элементов: железной трубы, покрашенной пульверизатором в нитро масляную эмаль: «Краска Зел. ГОСТ 32–65 Втор. Чер. Мет», с густо натыканными в приваренные трубки сосновыми лапами, ОН был неволью прижат к основанию постамента зверозубой снегурки. Но, как вишнёвая косточка между пальцев, выстрелился в сторону. /Благо, изваяние являлось скользким типом матери-

⁷ Хотя жить, и хотя существовать – дело личного хотения каждого!

⁸ «Зырь», «секи» – слова из далёка времён. Простой перевод – «смотри» – абсолютно не передаёт детских оттенков темперамента.

ала/. На просторном свободном дециметре лучше не стало. Пришлось попасть собой по вниманию пары десятков осоловевших глаз представителей дружественных организаций.

– ООООО! Новый Год – всему делу приплод!

Наизусть декламировал свою вчерашнюю оправдательную речь перед пайщиками председатель колхоза села Столпяги. – Ты как сюда оказался? Но я рад! Не ожидал! Ну-ка, агроном, откупорь из нашего председательского фонда дорогому гостю!

– Да я, вроде, не в гостях, а у себя в городе...

– Не скажи, не скажи! Вот станешь мэром, вот тогда и будешь «у себя в городе»! А сейчас ты – у нас в районном центре! Не обижай! А то, значит, когда я к тебе со своими проблемами – я твой гость, так получается? Дай и мне сегодня погостеприимничать «на славу»!

– Ну, какой же ты гость, если – с проблемами? Ты – просто пострадавший! А я, со своей стороны, обязан перед собой оказывать помощь всем, пострадавшим ни за грош!

– Ой, ни за грош страдаю! Это ты как в поверхностный бриз полного штиля глядишь, всё глубокое дно обозревая!

«Блеснул» демагогическим образованием «пред» хозяйства, где работники не получали заработной платы с января шесть лет назад прошедшего года.

– Но нечестно между нашим общением проводить разделительную межу, отталкиваясь от доброй души на дурняк! Давай, отказывайся не вздумывать со мной выпить!

– Может: «Не вздумывай отказываться!»?

– Вот, кого я уважаю! Смотри, агроном, мать нашу! И учись! Каким бы он ни был серьёзным, а всегда у него найдётся редкое дорогое время и лишнее умное слово на поправку моих ошибок, мелких и незаметных в нашем большом и неограниченном хозяйстве, в своей респектабельности посевов и пожатий! (Давала о себе знать подготовка к зимней сессии в высшей партийной школе). Нет, я всё-таки заберу у тебя свою «Сузуку», шо я дал тебе поноситься, а ему куплю «Мэрс» посолидней! Если бы у меня не было всех бездарных колхозных твоих бригад, а был бы только он один, то мы вместе превратили бы массу колхозного удобрения и гору всеобщего неодобрения в сады нашего процветания!

Слова председателя хоть и были повёрнуты в пустоту главного агронома, но прямого отношения к нему не имели. Тот, в это время находясь под общим наркозом и под большим вопросом, звенел, как растянутая тетива без лука, нащупывая руками погоду и тщательно пытался удержаться глазами за небо. То есть, был неЯкий! Сегодня грех было быть другим! И все были такошенькие-никакошенькие! Но корнеплод был зарыт в том, что агроном был никакой всегда, даже в короткие промежутки между праздниками. Да и по одежде его было заметно, насколько он себя не любит!

Что такое «никакой»? Понятно! Но что такое «ниЯкий» – объяснимо:

Ни отказать – ни согласиться!

Ни поддержать – ни возмутиться!

Ни в драку лезть – ни схорониться!

Ни умереть – ни возродиться!

Ни изумить – ни удивиться!

Ни отобрать – ни поделиться!

Ни помечтать – ни приземлиться!

Ни перепрыгнуть – ни свалиться!

Ни воспитать – ни научиться!

Ни закипеть – ни охладиться!

Ни быть собой – ни притвориться!

Ни погулять – ни потрудиться!

Ни подтвердить – ни усомниться!

Ни склеиться и – ни разбиться!

Ни приманить и – ни влюбиться!
Ни высохнуть и – ни облиться!
Ни развестись и – ни жениться!
Ни правым быть – ни ошибиться!
Ни притянуть – ни отстраниться!
Ни замолить – ни откреститься!
Ни прожевать – ни подавиться!
Ни примыкнуть – ни отделиться!
Ни пригласить и – ни проститься!
Ни разговеться – ни поститься!
Ни потерпеть – ни обмочиться!
Ни бросить пить – ни похмелиться!
Ни слух ласкать – ни материться!
Ни отравить – ни удавиться!
Ни согрешить – ни помолиться!

Какое неисчислимое «ни» в ничтожном «не»!..

Главный земледел был удобен, потому и был!

Отрапортовавшись в агрономовское «никуда», председатель «совещания» повернул свою словесную брызгалку к лицу – цели всецелого своего обращения.

– А давай, а, ко мне! А? Ну?..

«Кормите козлов капустами!»

Вовремя подсказала в правое ухо ФРАЗА.

Быстро загнав ситуацию на поправку «режиссёра», ОН, посматривая по многолюдным сторонам, прикусывая копчёную осетрину, которую ненавидел как рыбу, уверенно вымямлил, словно отвежливился.

– Понимаешь, Ваня! Это не для помпы!

– Какой насос?

– Забудь! Никакого насоса в твоём колхозе нет, просто, действительно, Ваня, пойми: гектарные просторы не безграничны для инициативности свободы окультуривания бизнес программы в угоду текущих показателей плана прибыли с площади вариации реализаций закупленного опта поставки ресурсов топливоотдачи в неурожайный двухгодичный период сезона.

/Без лишних запятых, речь не спотыкалась и не давала быстро подумать. А когда «все» устали, ОН смог дипломатично «съехать»./

– Но мне для согласия нужны точные выкладки. Я после ближайшего дня посижу дома, проанализирую, согласую и, соглашаясь, оглашу результат потерь. Но – это мелочь! Смотри лучше, кто чешет собственным имиджем! Сам не сам, а начальник ОРСа, лови!

– Как ты всё вовремя подмечаешь! Я просто завидую! Позови его, а?..

– Ну, нет! Дерзай воочию индивидуально! А я сдвинусь вежливо, с позволения! На одном месте застоялся. Меня вашей пургой задуло совсем! Надо шевелиться! Когда-нибудь обязательно ещё пообщаемся.

МЕТКА*

Редкие общени сохран ют долгие отношени.

ОН сделал существенный, необсуждаемый подвИг в сторону, вежливо с силой снимая плотное ощущение двух рук с лацканов пальто...

– С Новым Годом! С Новым Счастьем! С Новым Снегом!

Подняли сзади за поясницу, не желая приземлять. ОН обрадовался, не оборачиваясь, узнав первый в этом году желанный голос. /Очень добрый знак – обрадоваться уже в начальный

день нового года!// Это хороший начальник снабжения «Завода продовольственных товаров» оказался тут как тут и, ещё не показав себя лицом к лицу, уже оставил приятное впечатление. Человек на сладкой до приторности должности и – не быдло! Редкий случай постыдной действительности!

– О, Господи! Слава Богу!

«Молите Богов поступками!»

Перекрестилась ФРАЗА. Ответить было просто кощунственно! Да и кто посмеет возразить!

Радость встречи была настоящей. И не могла быть неестественной! Сильно смеясь над всем произнесённым, засандалив рюмки по три, оба растворились в приятности общения.

Помолчите, осуждатели вездесущие!⁹

Смеялись откровенно и – в охотку, не жалея щёк и всех остальных мест кожи, где от длительного веселья появляются морщины. Хорошенько посплетничали, с придыханием лоя прошлогодний снег, невзначай залетевший «на ёлку». /Он (снег) уже шёл/. Санька рассказал по ходу пару «новых» анекдотов, от которых они оба давно пересмеялись по нескольку раз, но, подправляя концовку, всё равно ржали, признавая удачность шуток...

Как мало нужно, чтобы серость промозглая засветилась радугой для одних, но запахом прибитой пыли – для других!¹⁰

Так, притулившись к выездной торговой лавке – вагончику «Завода продтоваров», они продолжали балдеть!

Об этом, так сказать, «заводе» вообще разговор особый! При системе «общего равноправия» там хозяйственными людьми смоглась создаться ситуация замкнутого утопического социализма в реальности всех, торчащих вокруг, отвратительных открытых переломов общества. Киев смотрел на это, не поощряя, но и не подавляя, сквозь загребущие пальцы своих интересов. Производя всё необходимое для вредной, но не привередливой средней начальственности, мир майонеза, водки, селедки, коньяка, зефира, мармелада существовал окрэм /отдельно/. Волшебный мир четырёх(!) видов качественных колбас, сладкого варенья, ароматной горчицы, зелёного горошка и сгущёного молока являлся миром, параллельным всеобщезвестному миру, и процветал за своим высоченным забором. /Любая Герда мечтала бы там потерять счёт времени!/ Покровители, имеющие багажники загрузки к каждому, будь то будню, будь то не будню, накладывали «добро» на любое «вето», в плане безочередных поставок сырья и безграничных кредитов туда, для необузданных деликатесных поставок – оттуда. Половина продукции шла на рты покровителей завода. Остальная, гораздо большая половина, кормила руководителей завода, а украденное рядовыми сотрудниками завода шло на рядовых сотрудников завода. Но зарплату выдавали вовремя, несмотря на различные выкидыши оборзевшей системы, где воровство возведено в ранг предприимчивости, а коррупция – в ранг ума руководства. Поэтому завод еды и припасов не мог не благоухать, разносясь по округе запахами съестного.

Прямо на территории производства находился животный питомник с ламами, собаководными енотами и невиданными панцирными черепаками неизвестной завозки. Живодёрня Оскания Нова, стесняясь, заключала договоры на поставки и обслуживание редких водоплавающих пернатых за получение ещё более редкого водостойкого майонеза и занесённого в «Красную книгу» «птичьего молока». На заводской территории, в водоёмчике с камышами и карасями, изменяя дух воздуха и поднимая дух сотрудников, вазодрыпилось множественное число неизвестных простому обиходному жителю твёрдоклювых с трудными названиями и непонятными родовыми видами происхождения хвостов, лап, зубов, гребней, холок и крупов. Некие

⁹ Не рюмка красит общение, а общение – рюмку!

¹⁰ Ищите радугу в нашем обесцвечивании!

лебеди и лебёдки, шипуны и ревуны, нырки и чурки, кандибоберы и дебаркадеры, квашки и кваши, саги и форсайты, гаги и гагарки, павлины и пингвины... С павлинами оказалось договориться легче. Эти птицеголовые были неупрямыми плохишами. За дополнительные физические посылы и метафизические посулы те совсем научились заходить в воду и, худо-бедно, стали учиться плавать. А вот пингвинов пришлось отправить поездом неизвестно куда: назад в Северную Ледовитую Арктику, в Крымский ботанический сад, в колхоз на уборку червяков или ещё куда подальше – в суп. Их, видите ли, среди лета не устраивал искусственный айсберг в натуральную величину из жидкого азота и действующий(!) макет утёса из цветного металла! Жёлтобрюхие королевские особы-особи привередливо отказывались питаться водоёмными живыми несолёными карасями, ивасинными мёртвыми пряными сельдями и категорически не хотели усваивать уроки открывания консервов с другой килькой...

«Продтовары» имели в своём наличии добротную огромную яхту, на которой перелетало всё номенклатурное панибратство, залитое до безобразия коньячным 96 %-ным спиртом, добавляемым из пипетки в тонну кондитерских конфет и цистерну будущего лимонада. /«Напиток» назывался «чемергес». После «напитка», уже с первых трёх литров, отличить грот матчу от матча в гроте и форштевень от форшмака не могли, даже настойчиво позвенев в судовой колокол/.

Яхта каждый год участвовала в регате по Днепру с выходом в Чёрное море и непременно занимала там место. Этим гордились потом дня три, не приступая к работе...

Организация владела своей санаторией-профилакторией в Кириловке, столичном крае одного из мелких берегов Азовского моря...

Служащий персонал завода получал право бесплатно обедать в шикарной столовой с водопадиком, японскими рыбками, оранжерейкой, волнистыми попугайчиками и с таким ассортиментом еды, за которым было не угнаться и за дорогие деньги двум вместе взятым общепитовским ресторанам города!..

В общем, это было что-то в чём-то и где-то с кем-то!

Устроиться сюда техничкой¹¹ было возможно, но не реально! Поступление в МГИМО по сравнению с «этим» – лёгкая прогулка по замкнутым углам дипломатии с ленивым слесарем или огибание краёв полемики с наглым комбайнёром.

Завод продовольственных товаров – вот преодоление всех языковых барьеров! Вот вершина дипломатии! Вот идеал мира и сотрудничества!

...А сейчас веселуха под криволапой ёлкой, в радиусе одного километра, продолжалась! Асфальтно скрипели ржавыми полозьями полузубатые полузабытые санки с полупотерянными детьми. Весёлая толпа, заботливо спрашивая: «Вы чьё, мелочьё?» громко, посреди хип-хопа с прихлопом и галопом с притопом, заказывала по микрофону из сцены загулявших родителей, объясняя под какой из колонн находится их укутанное чадо. На что раздражённые родители, тоже в микрофон, возмущались в ответ: «Если я запомнил место, то теперь вы все виноваты! Где я сейчас найду эту вашу колонну? Кто двигал моего ребёнка? Как я его потом узнаю!? Никогда «не твоё» не трогай!» Призыв сопровождался громким хохотом и аплодисментами. Хлопали и хохали неизвестно чему, просто веселье было тут, как тут...

Танцевали на плечах парней девчонки, забравшись высоко, видимо, чтобы разглядеть магнитофон и колонки...

Блуждали хороводом милиционеры, для порядка, не отказываясь от каждой предложенной «мерки»...

Выводили крутые пике пьяные птицы. В эту ночь разрешалось на кормушках в кусочках сала делать дырочки и наливать туда водку, поэтому снегири, синицы и воробьи летали сейчас на спине над плечами, как шмели, сильно вертя крыльями, но почти не передвигаясь.

¹¹ «Техничка» – не имеет отношения к высоким технологиям. Техничка это пожилая тётенька со шваброй (устар.).

Толпа была в экстазе, когда очередной, подвыпивший «в три погибели» дятел, пытался долбить металлическую трубу ствола липовой ёлочной атрибутики, вися одной лапой на электрическом проводе вниз головой. Хорошо, что к этому дню все журавли успели эмигрировать. ... Бездумная жестокость¹² людей не думала о том, чем бедным птицам завтра похмеляться.

Ещё в проходе нескольких часов, побузив вместе и порознь, тщательно отфильтрованная компания без ненужных примесей, лишних компонентов и вредных консервантов, отправилась к себе в гости. Ночь затянулась в приятельном окружении и усиленно сопротивлялась переходить в безлюдное, безликое, уставшее послепраздничное утро тридцать третьего декабря.

Дав ситуации происходить самой, ОН честно проводил все эти сутки у нормальных людей, искренне принимая участие в торжественном обряде обязательного перевешивания настенного календаря. Новый, заранее купленный в «Союзпечати», всегда одинаково пахнущий нетронутыми, идеально гладкими, чуть прилипающими к пальцам страницами вешался в прихожей. А старый, уже долистанный до самой плотной последней картонки, передвигался в туалет, неся в себе недалёкое прошлогоднее, в виде ностальгии сезонных репродукций.

Тема искусства не опаздывала и к столу. ОН, отвечая на вопросы о тонкости написания застольного изобилия или пищевой скудности натюрморта, доказывал, что само полотно говорит о мере мировосприятия художника. Все шумели, возражая, но, услышав доводы, соглашались, наливая.

– Вот, смотрите! – выступал Он, помахивая с полчаса назад наполненной рюмкой: – Только в натюрморте раскрываются внутренности настоящего живописца! Кто, вы спросите, напишет холст с израненной рыбой, выброшенной на стол разбушёванной стихией? Только Айвазовский! Кто сможет так изысканно умастить птицу оливками? Пикассо! А утреннюю медвежатинку под берёзовым сочком в сосновом дымке! А?.. Не иначе – Шишкин, и не сомневайтесь! Если апельсин чернее куба – эскиз Малевича «Проглоченное солнце». Коричневая золотистая шпротинка в бокале рижского бальзама – Паулс Раймонд! А кто ещё... Цитатник, гранат, кагор – Рабиндранат Тагор! Аппетитная порция бесхозного багульника на сопках – безвестный художник! Баба, в истоме топящая жир на солнце? Ну! Кто?! Рэмбран-д-т! А красного коня искупать слабО?! Это деревенский художник Петров увековечил день, когда в сельмаг завезли водку! В честь того памятного события даже изменив фамилию. Петров мазал холсты, впредь прикрываясь Водкиным. ...И, конечно же, солёные огурцы в кринке прокисшего молока с подсолнечным маслом. Внутренности подкопченного на солнце рыбьего живота «с душком», размазанные по свежей вчерашней острой злободневной газете! Кто же ещё, если не Кукрыниксы! Одна их «кликуха» заставляет несколько раз смыть! ...«Кукрыникс»! Это ж надо! «Ку-клукс-клан» – и то звучит добрее!..

Над полной и убедительной ахинеей смеялись – в шутку, смеялись – всерьёз, но воспринимали и продолжали отдыхать!

По настоянию всех, ОН мелкими глотками оставил горячую рюмку без содержимого и начал продолжать, сводя «на нет» любые поползновения других вставить дополнения, исправления и комментарии. /Если микрофон в руке только у одного, то, умело им манипулируя, легко сделать инакомыслящих вовремя неслышными или слышимыми – в выгодном для себя ракурсе. У какого Вани сегодня микрофон, тот Ваня сегодня и Ургант!/. ...

– Так вот! – диспутировал ОН, дискуссия. – Поэт набросал слова, и удачные причём. Чувствовал по опыту – будет народная песня! Но концовка артачилась, упиралась, ломалась и никак не давалась, как «твоя» девушка, еле вернувшаяся к обеду после ночной «учёбы у подружки». Что ржёте, знакомо? Не отвлекайтесь!.. Боясь забыть ритм строфы, стихач заполнил будущий припев схематическим размером: «там-тарам, там-тарам, там-тарам, там-тарам» и так далее. Потом оказия вышла! Не дочистил. Захлопотался, или пошёл в запой, или ком-

¹² Бездумие жестокости (ой! я не хотел!) не вылечит пострадавших.

позитор с филармонией поджимали, или премию какую ходил по инстанциям выбивал, или коварная домработница с управдомом выкрали из урны сырой материал и, не смога дорифмовать, продали черновики в редакцию редколлегии, а там не досмотрели и всё, как есть, напечатали в скрипичном ключе. Это всё неизвестно. Только в итоге вся страна, как огромная дура, задумчиво заподпевала:

*Там, за горизонтом,
Там, за поворотом,
Там, за облаками,
Там! Там-тарам! Там-тарам!*

После смеха кто-то робко заметил:

– Это не по теме! При чём тут художники, натюрморты?

– Нет, тема любого веселья – смех. И, если все продолжают терять зрение от хохота, значит – это в тему! Тем более мы от искусства всё равно где-то недалеко. Я, например, могу и по литературе паровозом проехать!

– Это в смысле по «Анне Карениной»?

– Да! Любвеобильная была женщина. Под простым паровозом смогла кончить!

– Не пошлите! Она не сама! Её туда граф Толстой засунул!

– О! Лес рук! Расходились! Дисциплина в классе! Я не о том. Просто, если хочешь прославиться в эпистолярном жанре, то обязательно – найди какого-то дядю и от него оттолкнись!

– Спонсора?

– Да какого там спонсора! Просто начинай плясать от дяди! Обратите внимание! Два самых великих русских произведения начинаются, как одно:

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром»¹³

«Мой дядя самых честных правил?..»

Третий, в пенсне. Так тот весь свой роман «Дядей Ваней» обозвал. Да и Пьер Безухов был не тётей! А Чацкий! Тот ещё «дядя»! Колледж в одной Европе, университет – в другой! Старики подогревают выше облисполкома! Можно умничать! Приехал, весь на понтах! Конечно: волость Выползки Натягайловского уезда! «Транваев нет-с! Куда вам меня понять! Все вы тут темень-тьма, а я пойду по свету! Карету мне! Карету!»... Нет, слышите? Не просто такси. А, видите ли, «карету»!.. Так что «дядя» – это уже половина успеха! Как говорят французы: «Ищите дядю!», то есть: «Шерхльше ля дядЯ!» /«рхль» – прононс, дядЯ – ударение на второе «дя»/. ...Ладно, дядя дядей, а у нас Новый Год! Глянь-ка! Там есть ещё пиво?

– Я пользуюсь законом сохранения пива! Сколько купил – столько выпил! Значит, сколько не купил, столько и сохранил!

– Ах, ты ж ненаглядный наш, неописуемый нами жлобьяра! Получается, наше выпил, а своё не поставил? Ты и в школе после каждого предложения выключал ручку, чтоб чернила не высыхали. Видать, тогда ты соблюдал закон сохранения чернил? Я смотрю, ты куришь одну за одной, а на столе возле тебя всё время открытая пачка с двумя сигаретами! Что это? Закон сохранения сигарет?! И кошелек у тебя два, небось: в один – только кладёшь, а из другого – никому не одалживаешь? Я уж не говорю, что не платишь – не «складываешься» со всеми поровну.

¹³ Все классы, во все годы, во всех школах, читали так: Скажи-ка, дядя, ведь недаром? Москва, спалённая пожаром, Французу отдана (была) ... Лермонтов концом строфы – словом «отдана» – резко тормознул, и все невнимательные поколения продолжают наткаться на этот «бампер».

– А чё это я должен со всеми складываться! Я лучше сам. Общие деньги – это растраты. Свои деньги – это накопления.

МЕТКА*

Общие денежные отношения всегда – в ущерб интересу каждого в отдельности.

Вот же человек! Для других – чего только не пожалеет!.. Ладно! Тащи, там на веранде ещё ящик пива размораживается! Пользуйся праздником. Сегодня нам настроение не испортишь!

- А представляете, если бы не было ни одного такого жадного! Как хорошо бы было!
- Тогда как бы ты узнала, милая, кто добрый?
- Да, опять я что-то не то захотела!
- Это точно! Пукнула, не подумав.
- Здрассте! Я вообще пукаю не тем местом...

* * *

– Ну! И что ты принёс? Две бутылки на всех! Нет! Таких, как ты, и впрямь – надо давить в самом разврате!

– В смысле: «в самом зачатии»?

– А ты попробуй зачать без разврата! А? Слабо? То-то! А я могу! Итак, начинаю! Девочки-мальчики, белочки-зайчики, слушайте тост!

Один орёл взлетел высоко-высоко. Так высоко, что совсем улетел, и никто его больше не видел. А ждать – ждали. Сначала ждали в энтузиазме спора, устанавливая сроки быстрого возвращения. Затем ждали, злорадно насладиться: «Мы же говорили!». Потом ждали, выдумывая сплетни о том: «почему так долго?» – «но никуда не денется!». Дальше устало ждали с надеждой¹⁴ на то, что «орёлику» очень тяжело, и только стыд не пускает вернуться! В конце ждали – просто посмотреть! Ждали, ждали, и случилось непоправимое! Забыли, чего ждут! И родилась притча-речитатив:

«Забудь ждать, если ждёшь, забыв!»

А там, где не ждали, что-то рухнуло с неба, и стало неожиданным событием. «Он орёл!» «Он – с неба!» И вознесли ему хвалу-халву, мёд-молву да лесть-пастилу! Возвели его до небес и подвели новую черту-притчу:

«Возвращайся туда, где тебя не ждут!»

- Ну, а пить-то за что?
- А пить за то: «как встретишь, так и проведёшь!»
- Конечно! Первый закон гоп-стопника: «По уму встречают, без одёжки провожают!»
- А второй?
- А второй закон: «перу» все возрасты покорны!»...

Дом был свой. С времянками во дворе, с пристройками по бокам, где жарили на огне, пели, дымили... Каждая комната и открытые помещения утопали в кутерьме споров, бесед, каких-то музык, причуд... Двери – настезь! Всюду смех, сказки, танцы – общение без капроновых чулок на голове! Если бы всегда все были свои!

¹⁴ Да, да, да! Бывает надежда и на «плохое»! /Как правило: на чужое «плохое»/.

– Ты видел последний кэвээн?

– Нет.

– Там, значит, начинается песня: «Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе, Земля в илл...»

– Ты можешь короче!?

– Короче! Начинается песня: «Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе»... не сбивай! «Земля в иллюминаторе видна», тут, такой, командир корабля, испуганный, в скафандре выскакивает и кричит: «Какой идиот понасыпал земли в иллюминаторы!»...

Он одновременно присутствовал везде, потихоньку принимая участие в каждом «капустнике», «конкурсе» и всякой игре, будь то соображалка, отвечалка или добрая перепалка с элементами различных философий – серьёзных остроумных или – безмозглых каламбурных.

– ...Сытая Хитрь всегда выдумкой Голи богатеет!

– Не скажи! И сытая Хитрь, и голая Думь – это края. А края топырчатся, заламываются, подрубаются и обрезаются! Поэтому давно уже голая Думь хитрит, а сытая Хитрь задумывается...

* * *

– Слушай! А как у тебя с Тamarой?

– О! Я уже на ближних подступах! Только тихо! Ей не говори!

* * *

– Прости, а можно вопрос?

– Вот ещё! Нет у меня никаких вопросов!..

* * *

– Эти штаны у тебя от какой кофты?..

* * *

– Что? Если блондинка, то всегда красивая? Ты ты небритый лобок некрашеной блондинки видел? Мечтатель! Это же кавыль рыжая!

* * *

– А ты чё не смеёшься вместе со всеми? Я за тобой давно наблюдала.

– Мне нравится более серьёзный юмор.

– Мы знакомы?

– Возможно, а вы?

* * *

– Не пойму. Это ты ко мне заигрываешь, или я к тебе клинья подбиваю?

* – Это, ведь, как одно не разорвёшь – целое!

– А как же! Это такие близкие понятия, как быть в Париже и не побывать в Эрмитаже!

* * *

– Ох, уж эти женщины! Мне тут случай рассказали, как раз по теме. ... Сидят двое голых на шкуре. Один говорит другой: «Единственная моя! Несравненная! Для меня никого на свете не существует, кроме тебя, Ева!» А та, выкусывая блоху под мышкой, отвечает: Всё-то ты врешь! А куда с копьём по утрам на три часа убегаешь, пока я сплю? На рыбалку? И откуда фрукты таскаешь, весь поцарапанный? А как на задницу саблезубой тигрицы вчера вылупился, не дыша, пока мы прятались! Я всё вижу! Небось, не мне одной такие трели заливаешь, Адам! И на что ты только считаешь?

– Ну, а дальше?

– Слушай, иди, потанцуй, я тебе потом объясню!

– Бессовестный! Никакого стыда на тебя нет! В гостях, при людях!..

* * *

– А я тебе серьёзно заявляю! Всё в жизни даётся только и только путём кропотливого, тяжёлого, ежедневного и большого... богатства!

– Да, хлебом единым богат не будешь!

– Директор хлебокомбината об этом не догадывается! И не вздумай ему намекнуть, а то поперхнётся крошкой от ржачки.

– А вы думаете, сладость жизни – всегда хорошо? Ложка мёда, допустим. Две – предположим. Пять – боль в зубных дырках. Десять – отмой рот внутри залипших щёк. А искупайся в бочке мёда в одежде, да погуляй так часок-денёк!

– Да! И об шоколад можно измазаться!

– Не говори! И от блеска до дыр незаметность неизбежности!

– Ой! Ой! «Незаметность неизз»... как-как? «Бежности? Нез бежности?» Господи помилуй! Присядь ближе к земле, сын мой! Не возносись не в сроки своя!

* * *

– Везёт тебе! Ты страшненькая всё время. Тебе так легко всех удивить! Оденься неожиданно нормально. Накрасься. Появись один разок в таком виде и собери отпавшие челюсти! А мне, знаешь, как невыносимо трудно! Я красивая! К моей красоте привыкли и, уже не приглядываясь, сразу тащат в угол. Вот и выдумывай из себя как бы что-то типа умное или – нетронутое. Ужас!

* * *

– Постой! Дай я переверну мясо.

– Это твоё постоянное «дай» меня в шахту загонит!

* – А что я сделала!? Я? Как это не пригласила! Ну, ты посмотри! Я им говорю: «Мы вас приглашаем, только глядите – если не сможете, скажите сразу! Мы кого-нибудь другого пригласим. Ну, и что тут такого? Так они берут и не приходят! Я как в воду глядела. И я, значит, ещё и виновата?!

* – Вот ты из-за чего развёлся?

– Из-за чего женился, из-за того же и развёлся – из-за секса.

* * *

Сильное оживление от анекдотов из открытого сарайчика разжаривало угли под шашлыком во дворе, потом загашивало и снова распаливало. Смех катился волнами. Ударял, отбегая-нарастая. Захлёстывал, переворачивал и, не давая передышки, кувырчал между вдохами и выдохами. Волны смеха – это, минимум, десять накатов, сливающихся в один непрерывный громопад:

1. Смех тех, кто не досмеялся от предыдущего смеха.
2. Смех по инерции.
3. Смех от слов следующего: «А вот ещё...»
4. Смех некоторых в середине анекдота, как бы первых, «догнавших» смысл.
5. Смех самого рассказчика, заранее знающего концовку, на последнем слове.
6. Смех тех, кто понял.
7. Смех при шумном объяснении тем, кто недопонял.
8. Общий смех всех.
9. Послесмех с повтором последней фразы.
10. Смех тех, кто не досмеялся...

– Встретились две сковородки, а поговорить-то нечем!

* * *

– Посмотри, как мы безграмотно разговариваем! Как мы корёжим язык! Заметил наши единицы мер, например?

«Это недалеко, минут пятнадцать». «Я поеду на один поезд позже». «Короче на два этажа». «Младше на пол курса». «Старше на одно звание». «Ширина в три стежка». «Где? Через два дома».

– Точно! Я тоже прикалываюсь! «Сколько стоит? Десять тонн». «Далеко? Пешком подать!». «Объём поставок ассортиментом!»

– А вы за язык не переживайте! Он сам себя не может иногда сложить! Вот, смотрите. Нет в русском языке слова «победить» в будущем времени единственного числа. «Я победю»? «Я побеждю»? Только стадное: «Мы победим!» Есть всегда за кого спрятаться, на кого свернуть в случае неудачи. Но зато при частичном успехе: «Я победил!». Странно, куда же делось «мы»? Язык не зря не имеет слова в своём лексиконе! Значит, это слово во веки веков не употреблялось! Вывод: ссысь перед будущим, на себя – никакой надежды! В толпе силён, как веник – «не сломаешь». (Кто тот дурной веник ломает? Это инструмент! Им, дебилом, метут!) А, когда пахнёт жареным, можно в сутолоке смыться и напενять на других, которых потом уже никогда не спросить. Мол, «это всё они!». А в случае положительного исхода открывается идеальная возможность поднять столько звони от слова «я»! Наступить на горло погибших, пострадавших, преодолевших и, вынырнув из своего заднего небытия, получить значки, регалии и вензеля. Все вперёд! С вами я побегу!!!

– Ну, ты хватил! Всем хватилам хватил!

– Это ремарка?

– Да, его, а кого же ещё?

– Оставьте Ремарка! Язык. Какой язык? Это теперь настолько не важно! Тут один из новорождённых банковских владельцев обратился: «Слышь! – говорит. – Одно выражение меня напрягает, помоги скомплектовать, а! Рекомендацию я пишу своему родственнику. Самое положительное из его черт – насобирать много денег. Строчка характеристики звучит так, послушай. «Одним из деловых качеств моего протеже считаю скарпулёзное копле-

ние? Копение? Копёж? Или копля разных валют? Ну, что скажешь? Оставить один эпитет или несколько?» Я его спрашиваю в ответ: «В твоём рекомендательном письме не откажут?» – «Ага! Я им откажу!» – «Ну, тогда подойдёт всё, даже убедительней будет!» – «Дельный совет! Точно! Ну, ты молодчик! Просекаешь? Твой язык хорошо, а мои деньги грамотней!»
– Язык, язык! Иногда казусы перевёртыши встречаются. Сравните!

«Как ты смел! Герой!»

«Как ты смел!? Подонок!»

– Да, для иностранца – тупик!
– А одно слово с тремя ударениями!? Дитя – не рАзвито. Мысль не развИта. Социализм не развитОй...
– Ага! «Не отрывай, минимум, до трёх месяцев из земли. Не отрывай, минимум, до трёх месяцев от груди! Не рви с места! Не рви на новые ботинки!»
– А это: «собрались как-то золовка, сноха, деверь и слесарь. Вроде и родственники, а «кто кому кто» – так и не разобрались. Так, напились просто так, без повода, да так, что и себя не узнали!». Четыре «така» – в одном предложении, с разными значениями.
– Или какой иностранец не загнётся от перевода литературного диалога: «А правда же – эта ложь на правду похожа?» – «Правда-то правда, вот только правды в ней нет!» – «Твоя правда! Ложь, она и вправду – ложь!»
– Да, для нерусского это – настоящая мина! Переведи, не взорвавшись!
– А представь глаза того, кто пытается по буквам трактовать связку слов русской женщины: «Войди в моё положение!»
– Нет! Для иностранца настоящий паралич наступает, когда на его ломаное, месяц репетированное предложение: «Не сделаете ли вы мне одолжение принять моё приглашение?» следует абсолютно нормальный несложный ответ: «Да нет, пожалуй».
– Даааааа! Три в одном! То же самое, как: «спросила гиена Гену про гигиену гангрены».
– Именно!
– А я о чём!
– Слушай, а причём тут Гена?
– Вот и я говорю: «Если ты крокодил Гена, то гены тут не причём!»
– Ага, типа того, растопырив пальцы: «Ты не гони на гены, крокодил Гена! Поял?»
...Цветные стёклышки веселья перекручивались из коридоров на улицу, с улицы снова куда-то внутрь стен. И каждая картинка мозаики светилась добротой! Новый Год сам не ожидал такой горячей встречи и сейчас скакал вместе со всеми, радостный, что пришёлся по душе!..
ОН продолжал гулять театр одного зрителя, жадно впитывая колорит подвыпившего раздолья. Ловко поймав настроение, ФРАЗА наигранно высморкалась и соткровенничала:
«Любите людей временами!»

* * *

...Где-то на уровне обувной полки слышалось соло: «И соседям всем сказаала, что ты лучуший из мужчиин!»...

* – Та ты мне щас, как родной! Нет! Даже больше! Как двоюродный! Понял, как я к тебе отношусь?

* * *

– Так та бамбула вчера оделась на утренник в такой(!) костюм! Ты себе не представляешь! Мне бы такое порвать и выбросить было б стыдно! Ну, не дурка!?

* * *

– Нет, ты не понимаешь! Моя жена мне где-то начинает нравиться!

* * *

– В каких-то вещах надо быть скрупулёзным! Вот почему я никогда ничего не теряю? Потому что самое важное находится у меня всегда в одном месте!

* * *

– Для этого не нужно быть семь аршинов во лбу! – Да, семь – это не нужно.

* * *

– И, как только начинается десять часов, вдруг заходит...

* * *

– А можно нескромный тактичный вопрос? Что лучше: «нету, чем есть» или «есть, чем нету»?

– ??? А у нас есть минута на обсуждение?

– Да какая минута! Передай ему мою ложку и пускай не гундосит!

* * *

– ...Наше общество? Да? Общесство? ...Хочешь, нарисую густыми мазками цветными мелками картину этого «нашего общизтва»? Любуйся!

На самом верху – жирное.

В самом низу – сгоревшее.

А мелкоизмельчённая середина варится в собственном соку. Крутится и пускает накипь. С неё – весь навар. Её и жрут!..

* * *

– А я так думаю: делай добро, но не ищи добра!

– Правильно! Делай добро, и все вернётся к тебе черепицей!

– Не «черепицей», тормоз! Всё вернётся к тебе чечевицей!

– Та не «чечевицей», а сторицей!

– Да, кстати, вы хоть знаете, кто такая сторица и когда она вернётся? Вот и я по этому вопросу прихрамываю.

- Слово «сторица» ассоциируется с поносом, запором и изжогой, вместе взятыми.
- Вот и делай добрые дела, когда всё вернётся тебе такой сторицей!

* * *

- Так я не понял! Всё куплено? Или всё продано?
- А ты участвовал в сделке?
- Нет! Мне ничего не перепало!
- Значит, для тебя эти понятия однородны!
- «Продано» и «куплено» – это синонимальные антонимы!
- Нет! Мы на этом выросли! И не можем без этого!
- Да, мы не можем фанатично обойтись без «ТОГО», на чём выросли! Но мы не можем деликатно обойтись с «тем», во что «это всё» превратилось сейчас! Давайте вместе соберём отрывки из жизни «водоплавающих» и назовём это: «Метаморфозы неких пророков в своём отечестве, не ушедших из жизни вовремя»¹⁵.

МЕТКА*

Люби, не поклон съ!

(Когда-то, при случае, одному из «реликвий» социалистической музыкальной сцены ОН, задетый, выпивши, ответил: «Мы-то такими и останемся без вас. А вот кем вы без нас останетесь?!»)

Стадии или акты деградации любимых идолов (от первостепенного до шестёрки):

1. Упёртый, выделяющийся, гадкий утёнок.
 2. Независимый, талантливый, гордый селезёнок.
 3. Сверкающий, великолепный, но уже наглежащий «вожак утиных поколений».
 4. Ещё иногда – популярная, жирная утка-проститутка.
 5. Слегка, с трудом ещё пописывающий для проформы, весь покрытый плесенью спеси пропавший утиный паштет.
 6. Кусок вонючего сала, плавающего в собственном жиру, с комками толстых волос и палок, торчащих из остатка жёлтой утиной задницы...
- Да! Но хотелось бы верить!
 - Хотелось? Верь! Это единственное из того, что «хотелось», которое так легко исполнить!

* * *

- Не встречай! Ты можешь помолчать, когда разговариваешь?
- * – ...Вот, гаад! ...А как тебе это? Я говорю: «Он осунулся, не находите?». А этот гад так серьёзно: «Да он просто лежит не по центру гроба». Представляешь? Вот, гаад!..

¹⁵ Тяжело читать о себе некролог, когда ты умер! Но ещё нелепее – петь о себе гимн: «я живее всех живых» в горячем, слепящем, на себя направленном прожекторе, не замечая твоего опустевшего зала! И, не желая слышать, как в новом свете при твоём появлении гремит нескрываемый шёпот: «Этот сдох и завонялся!». Мемориалы стоит иногда мыть хлоркой от их собственного запаха и драть напильником до их собственной кожи! Люди помнят! Идолы-болваны забывают! /Символы синонимы древних языческих поклонений: «идол» и «болван» по какой-то причине докатились до нас понятиями, противоположными по смыслу! Но и теперь эти символы неразрывны (синонимальные антонимы). Болваны выбирают идола, идол превращается в болвана и кричит, что он один – идол, а вокруг одни болваны! И вообще! Все кумиры созданы в кумаре.

* * *

- Это всё твой дружок!
- Та какой он мне дружок!? «Нализались, да обლობызались!»
- А ты, хорошая, не стесняйся своих чувств! Кошку в мышке не утаишь!

* * *

- Если ты за те наши с тобой месяцы отдала мне свои лучшие годы, то представляю твои худшие годы! Интересно: кому и на сколько они достанутся?
- Да пошёл ты!
- Уже бегу! В Новый Год – без старого счастья! Ура!

* * *

- Один, маклер такой, ко мне подкатывает: «Ой! Девушка! Скоро Новый Год, а я не вижу блеску в ваших глазах!» А я ему: «Так в вашем универмаге один блеск для губ».
- Так и сказала? «В универмаге»? А я-то думаю: чё это тот «маклер» побежал от тебя по стенке, как прусак – от дихлофоса?
- Ой! Ой! Та так уж и «побежал»!

* * *

- Слышь, а для чего в кухне на кране накручено ситечко?
- Как для чего? Воду измельчать, чтоб тарелки не бились!

* * *

– Почему я на Рождество не хожу в церковь? Между Богом и мной не должно быть посредников! Я молюсь, как могу. Без канонов и заученных бормотаний, но откровенно. И верю, что Бог слышит меня чаще, чем тебя – по праздникам, через золочёные стены собора. Священник в церкви – обыкновенный, простой служащий, на своём рабочем месте «с восьми до пяти». Так почему я своё сокровенное должен передавать Богу не лично, а через «секретаршу», торопящуюся с работы! Любой смертный бы обиделся! А Бог – не любой! Бог – единственный и неделимый!

Священник выслушивает всех,

но вряд ли кого-то слышит!

Бог никого не выслушивает, но слышит всех!

* * *

- Как много людей! Как много веселья!
- А если бы было меньше людней, то было бы больше веселей.
- ??? Не понял!
- Что ж, тут непонятного? Чем меньше гостей пригласил, тем больше за столом кандидатур для обсуждения!
- Да, кого-то «осудить» – это нам как пескострульщику песком кастрюли начистить!
- Я сказал: не «осудить», а «обсудить».
- Ну, конечно! Как будто «обсудить» – это обхвалить с ног до головы!

* * *

- Почему тупой нож пробку не открывает, а палец порезывает!

* * *

- Меня, знаете ли, всегда интересует: зачем людям две фамилии сразу? Это ж неудобно! Ещё и через чёрточку!
- Как зачем? Фамилии у нас по кому?
- По кому?
- По отцу?
- По отцу.
- То бишь, если у человека две и более фамилий, значит...
- Значит??
- Значит у него – у человека – было два или более отцов. Но я вам должен сказать! Когда у ребёнка много отцов, то это и есть «безотцовщина»!
- О! На эту тему анекдот! Щас вспомню!.. А! Вот! В общем... ..Из квартиры доносится невообразимый гвалт. Сосед напротив курит на площадке и без всякого интереса спрашивает мальчика из той квартиры: «Что там?» Мальчик, вырезая лезвийкой на периле несложное слово, так же неинтересно отвечает: «Та, Мамин-Сибиряк приехал, а мама в то время с Римским-Корсаковым. Так Сибиряк Корсакова в Рим собирает, а маму – в Корсаков». «Понятно. А твоя фамилия как, хлопчик?» «Апостолов-Рюмин мы!»

* * *

- ...Последняя ракушка, и та мечтает о ракушёнке! – Да, но, думая рожать или не думая рожать, необходимо включать мозги!
- Мозги как раз в деторождении вещь последняя!
- Нет! Есть же границы! Ведь количество детей напрямую влияет на их качество! Кто-то недополучит любви, кто-то – образования, кто-то – просто хлеба! Ну, а кто-то, замазанный маслом, будет скользить по жизни, оставляя пятна жирные повсюду! У всех различные причины, но, если без физических дефектов и физиологических проблем, то можно порассуждать так:
Нету детей – позиция.
Один ребёнок – несостоятельность.
Двое детей – минимум.

Три ребёнка – ладно.
Четверо – рассеянность или первые три – одного пола.
Пятеро детей – растерянность.
Шесть – побойтесь Бога!
Семь – ни себе, ни вам!
Восемь – сам помни имя своё.
Девять – «Дети, воспитательница повесилась. Я ваша мама!»
– А десять?
– Десять детей – не бывает, потому что это уже не отдельные дети, а подвид одного вида!
– А одиннадцать?
– Пора топить гинеколога, кастрировать акушерку и ставить спираль обществу!

* * *

– Нет, я понимаю! Но отчего именно такие стили-то?
– Отчего? А что – отчего! Все стили плавания взяты из эпоса издревле плавающих народов эпохи полиомиелита. Народы верили и поклонялись всяким силам. Так, в воде всегда обитало водное чудовище, в небе – небное чудовище, в земле...
– Причём тут небо, земля и чудовище! Мы говорим о спортивном плавании.
– Правильно! Вот представьте все: бабочка. Представили? Человек всеми силами выпрыгивает из воды, пытается оттолкнуть тянущее за ноги чудовище. Но попытки тщетны! Тот, кто в воде – сильнее! Понаблюдайте. Брасс. Человек постоянно пытается нырнуть и подсмотреть: что там, на дне? Но чудовище даёт ему пинка и ныряльщик, широко раскрыв рот на взлёте, снова падает, пытается заглянуть под воду. Вольный кроль – бег по воде локтями. Чудовище отпускает человека, даёт волю, засекает до десяти и неторопливо догоняет. Тут бы и ноги помогли, только нет под ногами опоры, одна вода. А на спине. Заметили? Этот стиль вызывает в движениях плавания некие неординарные потуги. Ладонки как-то наружу, неестественный поворот плечами, ритмичные повороты таза, с придыханиями... Видимо, чудовищу нравилось находиться сзади снизу...
...Когда зажёвывало очередную кассету, слышно звучала гитара вместе с песней про очередной ёжик резиновый, колышек осиновый, с дырочкой в правом боку... Потом в перерывах, пока Дима, муж Гали, перекручивал магнитофон назад, прорывались отголоски всяких любимых мелодий, с искажениями невдумчивости в пол оборота, типа:

*«Он наестся Петербургом.
Он оправится Москвой.
Александра, Александра
Что там трется между нами?..»*

Если музыка заигрывала снова, все привычно окунались в крик всеобщего неслышанья и громкого переспрашивания. Люди поближе тянулись от друга ко другу и вместе ощущали восторг настроения. Праздник извне был сейчас внутри каждого. Несказанно радовал, радовал и радовать не переставал! ...Пока, в какое-то только им известное сейчас, времена суток медленными, неожиданными скачками не приблизили безысходность будущего ухода в следующие дни и вынудили, хотя и нехотя, попрощаться в сторону дома.

...Бедный израненный пятый этаж держался, всё же, живее, совсем убитого четвёртого! «Лучше жить на двадцать восьмом с лифтом», – тосковал ОН, взбираясь, взбираясь, взбираясь

и насвистывая басню Крылова. Передыхая¹⁶ возле междуэтажного окна¹⁷ с плоской решёткой, стало смешно за Крыловскую ворону, и ОН поймал на себе улыбку. «На ель ворона взгромоздись!!!» Ну и ну! Как вам видок? Птица – «тяжёлый бомбардировщик», кряхтя, всеми своими четырьмя лапами вцепившись в кору до крови под ногтями, хвостом обвив ствол, делает поступательные движения, ближним крылом прикрыв глаза, боясь взглянуть вниз. Почему четырьмя? А попробуй, залазя на дерево, передние отпустить! Да ещё с сыром в клюве! Полёт будет неземной!..

«Позавтракать, уж было, собралась. На ту беду лиса внизу...» «На ту беду!» Интересно, какая такая беда Крылова таилась в утреннем завтраке? Видать, вчерашний вечерний завтрак протекал настолько экспрессивно, что сумбур рассвета страшил, пугал, мелькал, кружил и дёргал. Рот залипал ощущением нахождения внутри сыроварни, а на ту беду ещё и вчерашняя «лиса» внизу с претензиями... Ох уж эти буйные поэтические Крыловские вечера!.. Господи! Что только в голову не прилезет! Кыш!

...Послепотопная потоптанная квартира, подлизываясь, прятала по углам остатки скисшего позавчерашнего праздника и, как обиженная жена, настойчиво требовала от тебя ухода уже при входе.

«Мочите тряпок швабрами!»

Посочувствовала ФРАЗА.

– Заткнись, вражеская радистка! – ответил ОН и закатал рукава. – Прежде всего – порядок! А потом уж – беспорядок.

«Фильтруйте языки базарами!»

Дважды взвизгнула ФРАЗА, почти увернувшись от ударов.

Вынося мусор частями, после около часа ОН стал различать проявляющиеся, знакомые очертания егомаминой квартиры. Забывшийся всеми выключиться телевизор показывал совсем из другой комнаты на кухню, через стену балкона. По экрану широкооткрыто изливалась наружу белорусская оптимистично-отпевальная. Солист, загибая пальцы, перечислял, над чем всё летит и летит белый аист.

Неловко подпрыгивая, пытаясь прикрыть за собой дверь предплюсной ноги (пальцы, запястья, локти, мышки – всё, что под ними, и зубы были заняты подвешенными тяжёлыми кульками), ОН мельком уха отслушивал, как вокально-инструментальный ансамбль лирически домучивал слушача и глядача, достанывая один из третьих куплетов:

«Где-то в топке болот погребен остывающий гроб...»

Бросило в жар и иней покрыл лодыжки до самых щиколоток. Но, вместе с тем, полегчало! «А ведь где-то, судя по пению, воооообщем плохо!»...Первоянварская шутка ползала по стране.

...На одиннадцатом выволакивании мешков с остатками карнавальная ночи, ОН наткнулся спиной на взгляд соседа по площадке. Тот засвидетельствовал своё присутствие равнодушно-вдумчивым вопросом:

– Помочь?

– Нет. Я просто переезжаю.

– Конечно! А твой Казанский вокзал провожал тебя, провожал двое суток, пока само всё вече не уехало давеча далече. Один вагоновожатый до сих пор у меня на кухне семафоры не может настроить. Ты его заберёшь? Или я сброшу?

– Семён! Отстань, а! Видишь, я занят?

– Так я и спрашиваю: «помочь»?

¹⁶ «Передыхая» – это не значит, что: «первый раз сдох неудачно». Это значит: переводя дыхание из состояния одновременного вдоха и выдоха в состояние сначала выдох, а потом уже вдох.

¹⁷ Окно находилось по-настоящему между этажами, то есть с нижнего этажа было до окна не допрыгнуть, а с верхнего, чтобы выглянуть, надо было лечь и вдавить голову в пол, ниже туловища.

- Ладно, помогай!
- Ну, вот! С Новым Годом, сосед! Где пить будем? У тебя?
- Нет! Там уже чисто!
- Тогда – на площадке! Сейчас я вынесу! У меня уже давно всё стынет!..

* * *

2

Ранним рассветом, устав от тщетного ожидания побудки (соседка уехала в санаторий бывшей песни и пляски военных лет), с трудом разыскав глаза, обеими руками отклеив голову с подушкой от ковра, ОН попередвигался к ванной, так и не разлепив нёбо от языка. Последствия встречи Ногого Гога были на лицо, на рёбра и на локти. Принятие достойного вида под душем с водой приводило обратно к себе. Резус-фактор воды был отрицательным. ОН специально продрог, чтобы с головой покрыться гусиными пупыришками и от этого согреться. В холодильнике нашлось пиво (как будто оно там терялось) и, уже просветлённым, ОН включил «кабельное».

«След росомахи»... переключил – «Планета обезьян», перемотал вперёд – «По следу единорога», мотнул назад – «Тигры появляются ночью», нажал несколько разных кнопок сразу и покусал пульт – неожиданно побежали титры. И, хотя буквы было не догнать внятным чтением, «озверевшее» отсутствие радовало. Устав глазами от бегущей по экрану прозы, ОН решил опоззеть ситуацию и, закурив с удовольствием, достал ветхую тетрадку со стихами, написанными в древнем детсадовском возрасте. Писать их ОН уже не мог. (Как можно написать сто раз прочитанное-написанное?) И неловко как-то во взрослом возрасте говорить стихованно, да ещё за собой записывать!

А когда-то! В детском саду, через дорогу, ОН был ещё так безмерно талантлив (как все дети в свои годы), и воспитательница, надолго убегая от них «по делам», сажала группу на стульчики напротив, и ОН, по её просьбе, должен был, отвлекая всех, выразительно почитать чего-нибудь вслух. Это «чего-нибудь» было рассказом про красного армейца, который попал в окружение белых офицеров. /В белой гвардии, подло, заранее не предупредив, окружали только офицеры. Всегда – по пятеро на одного комсомольского бойца/. Но молодой солдат, как и положено, не сдался и достал гранату из-за пазухи. ОН читал четырёхлетним сверстникам эту траги-трагедию изо дня в день, но однажды, в обыденный послеобеденный полдник, видя, что красная граната за потной пазухой непомерно надоела среднегруппникам, неожиданно, встав ногами на стульчик, начал декламировать что-то одно из своего раннего:

Плыви, корвет! Куда? Не знаю.
Не буду у руля стоять.
Тебе судьбу свою вверяю.
Суть будем разом постигать.

* * *

Вперёд, родной! Не ведай страха!
И штиля не познай стыда.
Одна нам жизнь, но, если плаха.
То и она для нас одна.

* * *

Наплюй на вахтенны журналы.
Минуй затоптаны пути.
Не верь, что всюду есть причалы!
Что девства гавань не найти!

* * *

Потом, коль с жизнью будем квиты,
Познав личину бытия.
Хоть невредимы, хоть разбиты,
Вернёмся на круги своя.

* * *

Знакомый берег вдруг предстанет
Во сне, в бреду, в сознании ли...
Волна шампанским в борт ударит,
Как «Здравствуй!» от Родной Земли.

...А зачем стесняться лирики, сидя на горшке! Когда маститые мужики (чьи книги, даже «рубо», не влезали в полки библиотек), размазывали козявки по письменным столам и козюльки под писательскими креслами:

«Белеет парус, небо кроет, уединенье, тишину, что кинул он, что ищет он, и ночь, и звёзды, и луну, да пруд под сенью ив густых...¹⁸» – почти то же самое.

В том возрасте ещё не было «апостолов Пушкиновых», «архангелов Лермонтовых» и «ангелов Есениных». Лажа воспринималась по-детски правильно, как есть, и никто не мог убедить, что: «Стоял ноябрь уж у двора» – это гениально. Только потом, с пониманием пришло не обращение вниманий на исковерканные слова, кучу междометий и удобно поставленные поэтами для рифем удАренья, Ударенья, ударенья¹⁹.

МЕТКА*

Вчитывайтесь в молитвенники.

После стихотворения детей сначала переключило, потом – замкнуло. За окном стало отчётливо слышать далёкое крадущееся наступление многочисленных тёмных сумерек, мечтающих поквитаться со скрывшимся ещё утром одиноким светлым рассветом...

Тишина! Но тут – пять, четыре, три, два, один и... как прорвало!

Группа, не всегда вспоминающая свою воспитательницу в лицо, уже не помнила и себя от поэтического экстаза! До сих пор не умеющие писать, начали вдруг читать!

¹⁸ «...Да пруд под сенью ив густых» – аттестационный плакат у логопеда. Если глаза да прочтут быстро, если язык да произнесёт внятно, если уши да поймут сразу, если мозги да перескажут близко, то можешь быть свободен! Ты прошёл курс лечения.

¹⁹ Цените с открытыми глазами.

Андруций – самый высокий, а, значит, смелый, который каждый день мечтал быть шофёром (они с папой копили на «Жигули»), резко выдохнул и, подмяв под себя крохотульку-стульку, «влупил»!

Путей – не счесть, дорог полно
Для лёта и для ползанья.
И – чтобы выносить дерьмо,
И – выложенных звёздами.

Девочки, с театральным визгом, сильно зажмурившись, заткнули уши ладошками. Оно и понятно. Было как-то грубо с рифмой. Но смысл не хромал, и Андрюша продолжил:

На водопой, и – на убой,
К театрам, и – меж свалками,
Для тех, кто «свой», для нас с тобой —
И шаткие, и валкие.

* * *

Особняком или гурьбой
Мы топчем пыль век Овую,
Считая, что мы, что мы, что —
Прокладываем новую.

По три раза «мы» и «что» являлось явным прорывом в поэзии!

Жаль, что столь тонкий модернизм не нашёл отзвука в мещанских умозрениях и, как следствие, был нещадно освистан.

Наташа выкатилась на «сцену» со своей любовью, как с торбой дуста:

Не люби меня, не люби!
Я от знаков твоего вниманья не таю.
Лучше жвачку мне «Лёлик и Болик» купи!
И я снова прошу тебя, на первый раз, жевая.

Тут, вроде, и рифма не хромала почти, но враз захромала Натали, в порыве пожёванного чувства упав со стульчика.

Слово взял Лаконя (за фамилию и за лаконизм прозванный). Двумя руками указывая на Андруция, а другой рукой – на Наталью, он отчитал:

Орррловская длиннорррылая барррсучная скачет, Как курссская гладкопёрррая несссучная кудахчет!

Познания Лакони в зоологии не поддавались сомнениям. (Его мама была педиатром).

Эстафету неизвестных поэтов перехватила, белая от смелости волнения, староста. И стих её тоже сильно побледнел от жестокой жестикулирующей реальности:

Пусть же буря мглою небо
Кроет вихрем, зверем воет!
Я ж, как гордый буревестник,

Возлечу над пеной моря! И, назло пингвинам, Горький
Обо мне легенду сложит!
Кабы обо мне та песня,
Я бы знала, что мне делать!
Я б резвилась в шторме птицей!
Чтоб вскормиться, взнереститься.
И, крылом волны касаясь,
Я б запомнилась навеки
Вам – в ревлюциях несмелым!..

– Уберите старуху Изергиль с утёса!

Кричали эрудированные. Орала и остальные. (А чё б не поорать). Староста отбивалась по-настоящему отчаянно – и клювом, и когтями, только перья летели! Пришлось повозиться, а за это время наслушаться много оскорблений с угрозами:

– Ваше поведение совсем недопустимое из всех рамок! Сейчас придёт воспитатель детей, и я ей всё расскажу подробнейшим образом!

Будущую активную кандидатку и делегатку сначала «слётов», а потом «съездов»²⁰ запи- хали в ящик, плотно закрывающийся от детей. Ящик с игрушками.

Но и в этом замкнутом пространстве, придерживая одной рукой незаметно поднятое вещественное доказательство – надорванную политическую брошюру про подвиг гранатомёт- чика, она другой рукой неусыпно диктовала себе список провинившихся. И была тайно счаст- лива в борьбе! Её час настанет! Их час нагрянет!

Позицию на стульчике занял Сюзя:

Разворачивайтесь правой, орущие!
Доставшие паспорт в паузе!
Прозастоявшиеся и птиц жующие!
Ваше место – в пентхаузе!

* * *

Вылепленные из гвоздей люди!
Смотрите на выгрызающего бюрократизм волка!
В купе иностранца, едущего к Люде,
Не спасёт ни маузер, ни трёхкалиберная двустволка!

Сюзя в данное время всерьёз увлекался пятилетней Людмилой из художественной гим- настики, но та, увы, на ближайшее «навсегда» была занята скакалками и булавами.

А если в марше не развернуться!
Если площадь помоста, плотничая, не эквивалентна!
Фарисеи! Вам лучше заткнуться, ёрничая!
Мол, кто там махает лентой?

²⁰ На «слёты» слетались ещё неоперённые кукушата и бакланята. На «съезды» съезжались уже круторогие козлы муфлоны.

Этот оратор быстро, на восьмом куплете полупесни был табуретнонизвержен из-за требухи, которую нёс и из-за того, что всем тоже не терпелось.

С вытаращенными от страха и без того узкими разрезами глаз, с расплющенной нижней губой от обиды, что её не предупредили о празднике, бочком начала свой куплет блинолицая Ибубекирова («мисс» ненецкий автономный округ):

День Седьмого Ноября —
Красный Лист Календаря...

Она бессмертно читала всё это, с большой буквы, уже два года на всех утренниках и никогда не уходила без подарка /условный рефлекс Павлова: лапой – на рычаг: «День Седьмо»... дзынь – карамелька в руку; «го Ноябр»... дзынь – ириска в кулак; «Красный Лист Ка»... дзынь дзынь – призовая игра/. Но сейчас, когда хлопчики вежливо, без обиняков и синяков, парой пинков объяснили, что праздник её закончен и подарунка не будет, молодая исполнительница тихо заплакала.

Торжество рифмы широкой поступью шагало по детскому садику «Вэсэлка»! Неизвестно как, по секрету услышав новость, на территорию, занятую повстанцами, постепенно просачивались гонцы из младшей и старшей групп /подготовительная мудро отказалась: надо было подойти к школе без видимых эксцессов/.

Из-за спин желающих коварно выглядывал Викул. В левой руке он сжимал оторванную тяжёлую голову плюшевого медвежьего животного. Викула не выпускали специально, усиленным патрулём, догадываясь наверняка, что поэзия и стульчик будут нещадно унижены и растоптаны!

Рядом, заодно, не выпускали и Тютюрикова (настоящее фамильное название семьи). Этого не выпускать было легче, потому что Тютюриков сам не лез никуда, а только орал из-под окна, как будто его били девочки:

Автомотовелофототелерадиомонтаж!
Автомотовелофототелерадиомонтаж!

– Это не стих, не стих, не стих! – били его девочки.
– Как же не стих? Я его два месяца из окна наизусть учил!
– Не выкрикивайте с места, больной! – протирая его лицо платьем от куклы, увещевала Варя. – Это и вправду не стихотворение, но не волнуйтесь так! У вас ещё получится!

Варвара хотела, когда станет взрослой, помогать людям.

Марина, нагло улыбаясь, взяв двумя щепотками пальцев края юбки и, растянув это почти до головы, томно, но чётко зашипела:

Хочешь, мы будем? Хочешь – не будем.
Хочешь – прибудем? Хочешь – побудем!
Хочешь – разбудим? Хочешь – забудем!
Хочешь на людях? Хочешь при людях!
Хочешь – не хочешь! Будем и будем!

Марина была слабая, но сильная.

МЕТКА*

Слабость сильнее силы! Ее не надо доказывать.

Она крепко захомотала соседа по подъезду – второклассника. Тот и не собирался «хотеть» вместе с Мариной. Бедный, он каждый день прилагал всю свою сноровку, фантазию и скоростные качества для быстрого просачивания в квартиру родителей. Это в подъезд-то всего с одной нижней дверью! Чердачный люк был заварен, в междуэтажные окна не пролазила даже кошка, а балконы висели неприступными пыльными стеклянными будками. После сексуальной террористки трибуну достойно занял Вася (это не было его настоящим именем, но фамилия, извините, начиналась на «Ва»). Являя в себе тонкого философа, изящного математика и стройного физика в одном тощем лице, он рассказывал всем о жизненной несправедливости и после каждой строфы кланялся, надеясь на серьёзную адекватность реакции толпившихся обывателей:

Всё с дороги той – на Лысу Гору...
Равнодушьем загубив тогда;
Порешив: «то не моя беда»,
Посмеялись своему же горю!

* * *

И от сей позорной процедуры
Тащим крест насилия и лжи!
Наплевать, что точатся ножи,
Лишь бы не по «наши добры шкуры»!

Шкурные интересы Васи были сбиты с толку метким попаданием в грудь одноглазого плюшевого чудовища. Вася, встав с колен, гордо отряхнулся и стал калямалякать на обоях новые соображения по подлость удара из-за спины в открытое сердце!

Викул же, отвоевавший место под солнцем лампы, быстро, ещё толком не вскарабкавшись на «подиум», затараторил, зная, что у него есть только несколько секунд:

А я вчера, на мой именинов день, подопивал из всех маминых рюмок и как сочинил, стаскивая скатерть со стола, на бегу:

Почему же всё кругом,
Завертелось, закружилось
И привстало на рога!
Холодец – за винегретом,
Отбивная – за паштетом.
Запеканка – за рулетом
За инжиром – курага.
За стаканами – бутылки.
За салатницами – вилки.
За печёнкою прожилки,
А за рёбрами – нога.
Всё разбилось, поломалось
Мне «осталась только малость!
Только выстрелить в висок,
Иль – во врага!»

Надо было быть только Викулом, чтобы в свой ежегодный День Рождения умудриться получить ремня! /Это – даже реже, чем Первомай и реже даже²¹, чем День шахтёра вместе взятые!/
Когда юного алкоголика-плагиатора всей поэзии начала середины конца двадцатого века за оба шорта сдёргивали с флагштока, он, усиленно в полёте цепляясь чешками за стульчик, орал:

И где концы, и где начала – не понять!
Все середины не найду я: «Спасибо, мать!»

Группа заочно тоже благодарно отнеслась к такой его матери. Но стул затрещал, наклонясь, и лопнул – в дрова! Ситуация при этом неожиданно улучшилась. Пострадавшие щепки спрятали в тот же ящик к старосте (видно, всё непотребное ассоциировалось народом с ящиком для игрушек), а сцену соорудили из парты, и это давало возможность участвующим быть выше равнодушных. Используя добавленное пространство, можно было теперь идти вприсядку, садиться на шпагат, делать другие резкие движения и жесты для большей убедительности своих стихов. Так, спортсмен Никлесон стал приседать на одной ноге «пистолетом» и почему-то вдруг, «ни в замочину, ни в ключину», запел. Слова от мелодии подозрительно напоминали либретто на рапсодию:

Не одна я в поле кувыржалась!

Не одной мне в копчик ветер дул!

Вспомнить весь этот шедевр не представлялось сейчас никакой возможности, но физические упражнения запомнились.

Дальше – больше!

Мишка Громов нанёс ощутимый удар в сторону дошкольного печатного правописания:

Я не люблю тетради в линию,
Как не любит Гамлет Оливию.

* * *

Я не люблю тетради в клеточку,
Как не любит Миронова Деточкин.

* * *

Я не люблю тетради в косую,
Как карты, когда не тасую.

²¹ Кому не захочется еще несколько раз повторить: «Реже даже – даже реже» – как бальзам с души.

* * *

Я не люблю тетради чистые,
Как девок, что – худоглистые.

* * *

Я не люблю тетради измаранные,
Как лапшу с молоком переваренную.

* * *

Я не люблю...

– Вот и я!

Неожиданно инициативу перехватила Соня – у всех перехватило дыхание. От Сони до сих пор, за годы, проведённые вместе, никто не слышал ни одного слова, кроме храпа в «мёртвый час». Если бы единственная гуппия в зазеленевшем аквариуме под названием «Живой уголок» заговорила сразу с двумя, тоже единственными там, улитками, то это вызвало бы меньший шок!

Я уйду в морозы севера,
Ледяное слушать безмолвие.
Улечу в стратосферу я,
Всё на тех же условиях!

* * *

Я открою пещеры дальние,
Отыщу я места пустынные,
Чтоб не слышать слова банальные,
Чтоб забыть вашу речь постылую!

* * *

Я спущусь в морские глубины —
Далёкие от болтливой суши...

– Соня, блин, не тяни резину! Давай мы просто тебя оглушим!

Хамски выкрикнул Алёша, уже находясь первым в очереди к почёту.

Соня стала хватать воздух в какой-то невероятной судороге и опять замолчала. Теперь, видимо, навсегда.

– Надо бы родителям её сказать, что она разговаривает.

Робко предложил сердобольный кто-то, но все уже стряхнули наваждение, и феерия вспыхнула с новой силой.

Алёша, ведомый своей порядковостью, выступил в порядке перебитой им очереди:

Всё должно быть на своих местах:

Порох – в пороховнИцах.

Нож – в ножнИцах.

Колобки – в сусеках,

А дрова – в дровосеках.

Читаписец повторил то же самое с другим акцентом на ударение:

Порох – в порохОвницах.

Нож – в нОжницах.

Но сусеки и дровосеки пошли по жизни неизменные! Потом Алёша попытался публично упорядочить ещё томатный сок с наждачной бумагой, но его грубо смахнул со стола бунтарь группы Голоднюк. Клички: «карась», «хомяк».

«Карась» – потому что, хорошенько побузив, мог вовремя лечь на дно.

«Хомяк» – потому, что обладал незаурядной способностью, луская семечки во время занятий, не выплёвывать шкорлупу (было бы заметно), а накапливать большое её количество за щекой. Потом, в удобный момент, наклоняясь, опорожнял всё в жменю и перекладывал тихонько внутрь стола.

Три раза хихикнув, Карась начал заводить толпу:

По-видимому, вовсе не богов

Настигла мысль перекромсать просторы!

Хоть много кануло, живучие заборы

Дошли до нас из затхлости веков.

* * *

Понятно! Бесконечность – чистый вздор!

Её – ни дать, ни взять, ни бросить в дело.

Отраднo глазу то, что ближе к телу!

Что далеко – отнюдь не тешит взор!

* * *

И Дарвин был совсем не дилетант,

Придумав эволюции ученье.
Как такомУ прямое подтвержденье —
Развитие строения оград!

* * *

Несчётное количество преград
Возвысилось величественно-строго
Из слов, дверей, параграфов, порогов,
Из душ, характеров, поступков и бумаг.

* * *

С проезжей части – белизной блестят,
А со двора – прореха над дырою.
Да разве важно, что нутро гнилое?
Когда столь изумительный фасад!

* * *

А если ты ещё до этих пор
Живёшь открыто, словно на ладони,
Ты, мягко говоря, немного болен!
Или «открытость» – это твой забор?

* * *

Но если нет, то поспеши скорей
Отгородиться, только сделай тут же:
Широки ворота – ввозить снаружи
И для отдачи – маленькую щель.

* * *

С зачатья – чрева гулкая стена.
Стена земли, когда затих в постели.
Круши заборы, чтоб они летели!
Чтоб солнца свет от нас скрывать не смели!

И выпей чашу общности до дна!

Не имеющие своего мнения тут же поддались и подались ломать декоративную перегородку между столовой и игровой комнатой. Другие стали пить оставшийся в кухне, не помытый кефир на брудершафт.

Когда улеглось, осознав, что натворили «Бох зна, шо», все пошли просить Макса как-то исправить положение. Макс иногда мог успокоить в трудной ситуации.

Откашлявшись в голову близстоящего и немного заикаясь, как умел, Макс начал сеанс одномоментноодновременной психотерапии:

Вытри слёзы свои после плача
И футболку с пятнами-знаками.
Это сизая птица «удача»
Для везенья тебя закакала!

* * *

Вытри слёзы свои после стога.
Бывших стёкол оставь осколки.
Видишь целостность рам оконных?
Ну, без форточки, да и только!

* * *

Вытри слёзы свои после воя.
Не ищи эти зубы молочные.
Ты теперь, как небитых двое!
Отдыхай, стоматолог конченный!

* * *

Вытри слёзы свои после рыда.
«Всех забрали, а ты ещё в садике!»
Так зато воспиталка-грында
Опоздала на случку с Вадиком!
Настроение улучшилось!

Липко – Липа картавил, шепелявил, тянул буквосочетания от «бэ» до «мэ», но звуки «че», «чё», «чь», «чю», «чя» звучали из него чётко, чеканно, с каким-то пронончоусом, и укрепляли необоснованную уверенность начинающего оратора в своём красноречии.

– Сейчас! Прочту! Про что? Про двоечников-неудачников-зачинщиков и отличника, героически стойкого! Начну с четвертой части:

Счёл честью извлечь
«стечкина» птенчик застенчивый,
опорочить чтоб порченных прочих
прочность опрометчивую.

– Ты, читатило! Отчитался? Починь с почётом!

Свихнули чудо с пьедестала, оттянули за правую трусину и, замазав щекой об ковёр, оставили забываться ещё при жизни. Пока устраивали свержение, прозевали выползание на стол Дамалега. Тот был таким по отцу, в любых падежах, временах и числах. «Дамалега». Как это писалось? Вряд ли повторили бы, если б и умели. Догадки были, а вот вариантов было несколько. То ли «Дом Олега», то ли «Дамол Ега», то ли «Дама Лего», то ли «Да, Мол, Его»?.. Остановились на том, что называли, кто как мог. /Так часто бывает: вроде, и к отцам никаких претензий, но отчества фамилий угнетают!/ Дамалега любил помогать нянечкам убирать с пола, мыть тряпки, заправлять пододеяльники. И все ласково называли его по имени героини любимой сказки:

– Смотрите, смотрите, опять ЗолушОк наш пошкандылял. ...

Сейчас Домолего быстро-быстро, совсем непонятно без выражения «гнал», озираясь по сторонам и немного вниз:

Жили-были дед да баба,
Ели кашу с молоком.
Дед на бабу рассердился,
Бац по пузи кулаком!
А из пуза – два арбуза
Покатились в дом союза.
В домсоюзе говорят:
«Надо бабу в детский сад»
А в детсаде говорят:
«Надо бабу в зоосад»
В зоосаде говорят: ...

В зоосаде, скорей всего, посылали бабу в лимонад. Из лимонада не было другого пути, как только в Кёнигсбёрг... Но до конца никто не доосознался, потому что Дамалега всеми губами лёг на стол, помогая себе слезть, и бубнил внутрь себя. Скоропостижность его поведения сообразили до конца, когда проследили за ним до туалета...

Из спальни, ничего не осознавая, выковыривая из глаз лишнее, пошатываясь от непрощедшего сна, но уже понимая, что в группе происходит событие не по расписанию, ковылял Гном, оставленный в этой группе на второй год. (В своём пятилетнем возрасте он всё ещё не возмужал и был ниже четырёхлетних девочек). Но год разницы от сверстников давал неоспоримое превосходство в повышенной умственности. Гнома уже никогда не будили на полдник и на все остальные, «разнообразные» мероприятия. Это было бесполезно! Он, как штык, просыпался, когда основная масса родителей уже натягивала запасные сухие колготки своим отпрыскам для ухода домой. Сейчас Гном, встав раньше из-за невообразимого шума, пробирался к ключевой точке. Ничего не говоря и не спрашивая, медленно, но тщательно закарабкавшись на стол, при этом ухватившись за ноги ещё пары «ораторов», которые просто молча ходили по «сцене», Гном сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.